

ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ
ДЕТЕКТИВНЫЕ
ИСТОРИИ

Ольга Тарасевич

Украденное лето

Дарья Калинина

Летний дворец

Галина Романова

Дело всей жизни

Наталья Александрова

Дикая жара

Ольга Володарская

Удача по наследству

Анна и Сергей Литвиновы

У ночного костра

Татьяна Устинова

Лето красное

ЛЕТНИЕ ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л52

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Л52 **Летние** детективные истории : [сборник рассказов]. — Москва : Эксмо, 2020. — 288 с. — (Великолепные детективные истории).

ISBN 978-5-04-112169-3

Лето — лучшее время в году: ласковое солнце, теплое море, сочные фрукты, экзотические цветы и, конечно, долгожданный отдых. Ваш отпуск станет незабываемым, если вы возьмете с собой интересную книгу! Для сборника «Летние детективные истории» Татьяна Устинова, Ольга Володарская, Анна и Сергей Литвиновы и другие популярные авторы написали остросюжетные рассказы, действие которых происходит знойным летом!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-112169-3

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

• СОДЕРЖАНИЕ •

Ольга Тарасевич
УКРАДЕННОЕ ЛЕТО
7

Дарья Калинина
ЛЕТНИЙ ДВОРЕЦ
51

Галина Романова
ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ
101

Наталья Александрова
ДИКАЯ ЖАРА
130

Ольга Володарская
УДАЧА ПО НАСЛЕДСТВУ
170

Анна и Сергей Литвиновы
У НОЧНОГО КОСТРА
217

Татьяна Устинова
СВИДАНИЕ С БОГОМ У ОГНЯ:
РАЗГОВОРЫ О ЖИЗНИ, ЛЮБВИ
И САМОМ ВАЖНОМ
279

ОЛЬГА ТАРАСЕВИЧ

• УКРАДЕННОЕ ЛЕТО •

Я лежу на крыше. Жгучее солнце щедро прокаливает каждую клеточку моего тела. Терпко пахнет расплавленным битумом, загазованным московским воздухом и голубиным пометом. Птицы гадят где попало, поэтому, прежде чем расстелить плед, мне приходится особенно внимательно смотреть по сторонам.

Бутылка с минеральной водой, пачка печенья, стопка книжек. И так — каждый день, с утра до вечера — я готовлюсь к вступительным экзаменам в театральный институт.

Готовлюсь и немного побаиваюсь уборщицу из нашего подъезда. Она у нас бдительная — вдруг заметит, что дверь, ведущей на чердак, пользуются? Я сделала гнусность — сбила старый замок, повесила новый (по виду точно такой же), и теперь только у меня есть ключ

от ярких солнечных прожекторов. Впрочем, что делать летом на крыше коммунальщикам? Зимой они убирают снег и скалывают сосульки, а теперь, в июле, мое мелкое хулиганство вряд ли имеет высокие шансы быть раскрытым. В общем-то, мне не стыдно за такую самостоятельность. Обожаю лето, обожаю загар. Смуглая кожа особенно хороша. Но дело не только в эстетике. Мне нужен ультрафиолет как воздух, я готова жариться на солнце часами. Жадно впитывая тепло, я, словно аккумулятор, заряжаюсь невероятным количеством энергии. Солярий — ерунда, это как цветок через противогаз нюхать. Нет ничего лучше яркого солнечного света!

В такие июльские дни наша семья всегда выезжала на море. Всего лишь Сочи, не очень комфортабельная гостиница, — но это был единственный шанс для моего отца-режиссера и мамы-актрисы забыть о своих съемках. Наше семейное «место встречи изменить нельзя» — это кинофестиваль. Две беззаботные недели, и волосы пахнут морем, губы всегда немножко соленые, а свежий шоколадный загар пощипывает плечи. Теперь мне кажется, что я не ценила своего счастья, ворчала, бурчала. На кинофестивале все так активно дегустировали местные вина, что на пляже уединиться было

невозможно, рядом всегда нарисовывалась какая-нибудь звезда, которую тянуло к коммуникации с чадом известных родителей. А я уставала от актерской братии еще в Москве и хотела просто греться на солнышке. И, кстати, по-моему, даже в самом сопливом младенчестве не чувствовала себя маленькой. Первое воспоминание детства — ослепительно красивая мама, гримерка, я реву, потому что мне хочется поиграть с костюмами, а мамуля негодуяше поднимает брови: «Марина, что за поведение, ты уже большая девочка!»

Я быстро привыкла к тому, что по жизни являюсь априори взрослой. И привыкла к нашим поездкам в Сочи. Но в этом году родители дружно решили: никаких фестивалей, ребенок готовится к вступительным экзаменам, надо сосредоточиться перед предстоящими испытаниями. «Не хватало еще, чтобы ты с треском провалилась!» — истерила вечно вызывающе красивая мамуля. Журналисты окрестили ее «русской Шэрон Стоун», но мне кажется, что мама намного красивее голливудской кинодивы. «Мариночка, к детям известных родителей всегда особо пристальное внимание. Пожалуйста, постарайся нас не подвести», — тихо говорил папа, ероша светлые, торчащие в разные стороны кудряшки. Мой папка похож

на внебрачного сына Пьера Ришара, и в обычной жизни он — тихий, спокойный человек. Но, видя его на съемочной площадке, я понимаю, что под вежливой папочкиной личиной скрывается настоящий монстр, который орет, судорожно размахивает руками и выдает такие трехэтажные нецензурные конструкции, что уши сворачиваются в трубочку.

Итак, на «Кинотавр» мы в этом году не поехали. Мамуля укатила в Минск, где на базе «Беларусьфильма» клепаются очередное российское телевизионное мыло. Папка снимает для РТР серьезное историческое кино и неделями зависает в Сергиевом Посаде. А я загораю на крыше, учу письмо Татьяны к Онегину и отрывок из Льва Толстого для творческого конкурса. Вечером ко мне приходят педагоги по балльным танцам и сценическому мастерству. Не знаю, правда, зачем мне репетиторы. Все-таки, как говорится, гены пальцем не выколупаешь, я, похоже, прирожденная актриса. Первый раз снималась еще в пеленках, потом был «Ералаш», а в последние годы я вообще чаще оказывалась на съемочных площадках, чем в школе (поэтому в аттестате у меня ужасные оценки, только за русский язык и литературу не стыдно). Впрочем, репетиторы так репетиторы.

Я стараюсь не расстраивать родителей, они и без моей помощи часто оказываются в трясиине мрачной депрессии, и тогда дома пахнет вином и сигаретами, мама плачет, отец молча слоняется по комнатам. Творческие люди — они реально такие ранимые...

— Я к вам пишу! Чего же боле? Что я могу еще сказать? — шепчут мои губы, и я невольно забываю о родителях, лете, предстоящих экзаменах.

Пушкин — гений, гений! Сколько лет назад писались эти строки! Простые незамысловатые слова. Только сама душа кровоточит ими.

Ничего больше нет...

Лишь девушка, охваченная пламенем первого чувства.

Лихорадочно стучит сердце, сбивается дыхание, я признаюсь в любви, мечусь от страха к счастью, умираю, воскресаю.

— Теперь я знаю, в вашей воле меня презренным наказать. Но вы, к моей несчастной доле...

Солнце, клетчатый плед, запах битума.

Какую-то секунду я недоуменно оглядываюсь по сторонам, а потом понимаю: телефон. Звонит-разрывается.

— Марина, ты где? Мне надо срочно с тобой поговорить!

Марина? Собственное имя и мамин голос окончательно отрезвляют меня, выводят из образа пушкинской Татьяны.

— Мамуль, я как всегда. Сижу на крыше, к экзаменам готовлюсь. Два дня ведь осталось. А в чем дело? Что-то случилось?

— Случилось! — всхлипнула мама. — Марш домой!

Я быстро закидываю книжки в пакет, складываю плед и лечу к окошку, через которое выбираюсь на крышу.

Чердачный полумрак. Никаких подозрительных звуков, только лифт гудит где-то внизу.

Ловко просунув руки через прутья решетки, я щелкнула замком, потом закрыла свой персональный пляж и помчалась вниз по ступенькам.

Еще в прихожей меня едва не сбил с ног отчаянный густой запах валокордина.

О господи! Мама в спальне, зарылась лицом в подушку, рыдает, как ребенок.

— Мамочка, не плачь. Ну все, прекрати! Что, опять очередная морщинка? Давай я позвоню твоей косметичке, она придет и подколет тебе ботокс. А если тебе какая-нибудь дура-актрисулька сказала, что ты поправилась, то это вообще фигня. Ты у меня стройна, как кипарис.

Мама перестала всхлипывать и слабо улыбнулась. Говорю же, все актеры — большие дети.

Опять двадцать пять, снова рыдает...

— Мариночка, это ужасно. Я только приехала. Вышла из поезда. И тут ко мне вдруг бросилась цыганка.

— У тебя что-то пропало?

— Нет. Думаю, что нет. Но она... ты бы видела ее глаза, черные, страшные... так и сверкают из косматых волос, чистая ведьма! И она все про меня знала.

— Мать, про тебя все знают малейшие подробности. С нашей желтой прессой это неудивительно. Успокойся.

— Марина, она... это была не поклонница, нет. И я не думаю, что она меня узнала. Она прошла мимо меня... А потом вернулась и сказала, что я замужем, у меня есть дочь, которая готовится к вступительным экзаменам.

Я хмыкнула:

— Надо же, какая пронизательность. Да вы с папкой во всех интервью говорите, что я пойду по вашим стопам. И я рассказываю журналистам то же самое.

Мама откинула назад длинные светлые волосы и вздохнула:

— Я думаю, такие люди, как та цыганка, вообще не читают газет.

— Телевизор все смотрят! Мам, что ты расстраиваешься? Ну узнали тебя. Или цыганка оказалась провидицей, в чем я лично очень сомневаюсь. Но все же в порядке!

По щекам мамы снова заструились слезы.

— Ты меня все время перебиваешь. Она сказала, что если ты в этом году не поступишь в институт, то тебя ждет... смерть.

Я натянуто рассмеялась:

— Тогда я буду жить вечно. Мне кажется, что даже если я завалю все экзамены, меня все равно зачислят. С одной моей фамилией место в списке студентов мне обеспечено. Мамуль, а ведь я же еще и талантливая!

Я утешала маму, но на душе у меня скребли кошки. Актриса — она сейчас утрет Ниагару слез, сделает освежающую маску и вечером будет ослепительно улыбаться со сцены театра. Но только я знаю, что еще долго мамуля будет переживать всю эту историю. Актеры — очень суеверные люди. Мама боится черных кошек; сходит с ума в пятницу, тринадцатого; никогда не возвращается домой, даже если забыла зонтик, а на улице хлещет проливной дождь. А тут — цыганка, предсказание, да про любимую доченьку..

— Мамка, а хочешь, я за мороженым сбегаю? — пробормотала я, с тревогой взглядыва-

ясь в огромные мамины глазищи. В них кипел совершенно непонятный мне ужас... — Или за тортиком? Хочешь торта?

— Мороженое. Фруктовое. Смотри не перепутай, а то схватишь шоколадное, лишние калории мне ни к чему. И возьми ключи — я приду душ, а потом сделаю огуречную маску. Не иди же в театр с такими отеками.

— Мама, — я старалась говорить максимально уверенно, — все будет хорошо. Цыганка та — полная дура. Я без проблем сдам экзамены.

— Действительно. Но по мороженому мы с тобой все равно слопаем. Сколько той жизни! У тебя деньги есть?

— Я все на книжки потратила. Полное собрание Довлатова, я его обожаю...

Ворча, что дома уже повернуться негде из-за моих книг, мама соскользнула с постели, достала из сумочки пару купюр и, отвернувшись к окну, начала стягивать коротенькое джинсовое платьице.

Честно говоря, не знаю, почему мамуля все время придерживается диеты. У нас один размер, и иногда мы заимствуем друг у друга брючки и футболки. Но на всякий случай мамочка не дает ни малейшего шанса даже небольшой складочке испортить свою тонюсенькую талию.